

ИВАНОВА Татьяна Анатольевна,
соискатель, юридический факультет,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18,
e-mail: 89093089399@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО С ПРИЗНАКАМИ ФИКТИВНОСТИ: ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ СМЕЖНЫХ ПОНЯТИЙ

АННОТАЦИЯ. В статье разграничены юридические лица с признаками фиктивности и смежные категории, предложены критерии выявления таких признаков и порядок их оспаривания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическое лицо, фиктивность, фирма-однодневка, номинальный руководитель, ЕГРЮЛ.

IVANOVA Tatiana Anatolyevna,
Degree Applicant, Faculty of Law,
Kazan Federal University

A LEGAL ENTITY WITH SIGNS OF FICTITIOUSNESS: THE PROBLEM OF STATUTORY DEFINITION AND DISTINCTION FROM RELATED LEGAL CONCEPTS

ANNOTATION. The article distinguishes legal entities with signs of fictitiousness from related categories and proposes criteria for identifying and challenging such signs.

KEY WORDS: legal entity, fictitiousness, fly-by-night company, nominee director, register.

Введение. Корпоративная форма обеспечивает имущественную обособленность организации и ее самостоятельное участие в гражданском обороте, а государственная регистрация закрепляет сведения, которыми руководствуются контрагенты и государственные органы. Вместе с тем юридическое лицо может использоваться для сокрытия фактического руководителя, исполнителя обязательства или выгодоприобретателя. Сведения ЕГРЮЛ подтверждают создание юридического лица, но не свидетельствуют о самостоятельности его хозяйственной деятельности, поэтому зарегистрированный адрес, руководитель и банковский счет могут сочетаться с оформлением документов по фактически не совершавшимся операциям, транзитным перечислением денежных средств или заключением сделок в интересах другого лица. Именно это расхождение между сведениями о юридическом лице, внесенными в ЕГРЮЛ, и фактическими обстоятельствами его деятельности обусловило распространение понятий «фирма-однодневка», «техническая компания», «подставное лицо», «номинальный руководитель», «недействующее юридическое лицо» и «бенефициарный владелец», однако их соотношение не получило последовательного законодательного закрепления. Законодательство о государственной регистрации направлено на обеспечение достоверности сведений ЕГРЮЛ, нормы налогового законо-

дательства требуют установления фактического исполнителя хозяйственной операции и действительного размера налоговой обязанности, уголовное законодательство предусматривает ответственность за незаконное образование юридического лица через подставных лиц, а законодательство о банкротстве регулирует установление контролирующих должника лиц и возложение на них имущественной ответственности. Вследствие различия предметов правового регулирования вывод, сделанный в рамках одной отрасли права, не должен автоматически предопределять оценку организации в других правоотношениях, поскольку смешение указанных категорий создает риск необоснованного ограничения ее прав и нарушения законных интересов добросовестных контрагентов.

Объектом исследования являются отношения, возникающие при создании и деятельности юридических лиц, а предмет составляют нормы законодательства, судебные позиции и научные подходы к определению признаков фиктивности. Цель исследования заключается в выявлении таких признаков, разработке критериев их разграничения со смежными категориями и обосновании порядка правовой оценки.

Материалы и методы. Материалы и методы. Исследование основано на положениях ГК РФ, НК РФ, УК РФ, Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ, иных нормативных правовых

актов и правовых позициях Верховного Суда РФ. Формально-юридический и системный методы использовались для анализа и разграничения смежных категорий, а функциональный метод и правовое моделирование – для формулирования признаков фиктивности и порядка их установления.

Результаты и обсуждение. Юридическое лицо может сохранять статус действующего участника гражданского оборота, хотя в рамках налоговой проверки, регистрационной процедуры или дела о банкротстве в его деятельности выявляются отдельные признаки фиктивности, поэтому соответствующая оценка должна относиться к конкретным обстоятельствам его деятельности. О. А. Капелистая отмечает: «Таким образом, с точки зрения современной науки, юридическое лицо можно определить как искусственный, но вместе с тем реальный субъект права, обладающий комплексом применимых к его природе имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей, созданный в соответствии с законом для определенных целей и предназначенный для удовлетворения потребностей людей, ради которых существует всякое право» [1, с. 218], и приведенное определение подтверждает реальность юридического лица как носителя имущества, прав, обязанностей и самостоятельной ответственности. Зависимость от участников или иных контролирующих лиц сама по себе не исключает самостоятельного осуществления хозяйственной деятельности, тогда как признаки фиктивности возникают при использовании организации для оформления решений, сделок, платежей и обязательств, фактически определяемых другими лицами. И. В. Глазунова указывает: «В связи с этим в профессиональный юридический и финансовый оборот вошло новое понятие «фиктивное юридическое лицо»» [2, с. 515], однако этот термин требует ограничительного толкования, поскольку вывод о наличии признаков фиктивности не должен распространяться на всю правосубъектность организации и все совершенные ею сделки. Проверка должна охватывать обстоятельства заключения и исполнения конкретных сделок, распоряжения банковским счетом, привлечения исполнителей и использования полученного дохода. Об отсутствии самостоятельности может свидетельствовать совокупность обстоятельств, при которой организация выполняет указания другого лица, не вправе изменять условия расчетов, не контролирует исполнение договоров и обязана передавать полученные средства или имущество заранее определенному выгодоприобретателю. Следовательно, выражение «юридическое лицо с признаками фиктивности» обозначает предварительный правовой вывод, который подтверждается совокупностью доказательств и не предопределяет действительность сделок, ответственность руководителя и добросовест-

ность контрагентов.

Сведения ЕГРЮЛ служат исходной информацией, но не являются достаточным доказательством хозяйственной самостоятельности или ее отсутствия. А. В. Габова отмечает: «Так, очевидно, в эволюции регистрационной системы можно выделить этап, когда ее конфигурация и основные элементы определялись исходя из либерального подхода (здесь не берутся в расчет положения о создании большинства некоммерческих и кредитных организаций), согласно которому ограничения для создания юридического лица должны быть в максимальной степени устранены, а основания для отказа носить исключительно формальный характер, ни о какой предварительной проверке законности/достоверности сведений, вносимых в реестр, не может быть и речи» [3, с. 113], и такой порядок регистрации не предполагает исследования последующей деятельности организации. Законодательство допускает проверку сведений ЕГРЮЛ, получение объяснений и документов, осмотр недвижимости и направление уведомления, а непредставление достоверных сведений может повлечь внесение записи о недостоверности сведений в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ и принятыми в соответствии с ним нормативными актами. К. А. Сасов подчеркивает: «Поправки, предлагаемые в Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», носят сугубо декоративный характер» [4, с. 103], и расширение оснований контроля не устраняет неопределенность, если причины несоответствия не установлены. Отсутствие юридического лица по указанному адресу может быть связано с изменением места нахождения или прекращением договора аренды, а заявление руководителя о непричастности – с подделкой документов либо корпоративным конфликтом, поэтому каждое несоответствие требует проверки и само по себе не подтверждает наличие признаков фиктивности. Недействующее юридическое лицо не обладает предусмотренными законом признаками деятельности, тогда как организация с признаками фиктивности может представлять отчетность, совершать платежи и участвовать в судебных разбирательствах. Запись о недостоверности характеризует конкретное сведение ЕГРЮЛ, а вывод о признаках фиктивности основывается на исследовании деятельности организации.

Различие между недостоверностью отдельного сведения ЕГРЮЛ и признаками фиктивности деятельности юридического лица требует последовательной проверки, при которой переход к каждому следующему этапу основывается на результатах предыдущего. На первом этапе регистрирующий орган определяет проверяемое сведение (адрес юридического лица, сведения о руководителе или участнике, полномочия лица,

действующего без доверенности), устанавливает источник информации (заявление заинтересованного лица, результаты осмотра, документы государственного органа или данные информационной системы) и предлагает организации представить пояснения либо актуальные сведения. Представленные документы могут подтверждать изменение адреса, прекращение договора аренды, ошибку при заполнении заявления, корпоративный конфликт или несвоевременное сообщение об изменениях, что исключает вывод о фиктивности на основании одного регистрационного несоответствия. Неустранение противоречий служит основанием для второго этапа, в рамках которого исследуется фактический порядок управления организацией (выбор контрагентов, согласование условий договоров, распоряжение денежными средствами, использование электронной подписи и определение назначения платежей), а полученные сведения сопоставляются с полномочиями лиц, указанных в ЕГРЮЛ. Регистрирующий орган не вправе подменять налоговый или правоохранительный контроль, поэтому банковские документы, налоговые сведения и материалы о движении денежных средств исследуются только органами, наделенными соответствующими полномочиями. Переход к третьему этапу допускается при выявлении расхождения между формальным и фактическим управлением, а дальнейшая проверка устанавливает цель использования юридического лица (документальное оформление неисполненных операций, сокрытие контролирующего лица, вывод имущества, неправомерное уменьшение обязательных платежей или обход установленного запрета). Вывод о наличии признаков фиктивности допускается только при подтверждении связи между отсутствием самостоятельной хозяйственной функции и указанной целью, причем самостоятельная запись об этом в ЕГРЮЛ не вносится, а результаты проверки используются только в конкретном производстве.

После проверки регистрационных сведений необходимо установить характер фактической хозяйственной деятельности, что позволяет разграничить техническую компанию и фирму-однодневку. А. Н. Понамарева отмечает: «Ведь такое проявление теневой экономики, как «фирма-однодневка» влечет за собой ущерб государству, недостачу налогов и снижает доверие населения как к правоохранительным органам, так и к правящим элитам» [5, с. 2], причем последствия такой деятельности затрагивают и добросовестных контрагентов, не располагающих сведениями о фактическом исполнителе. И. И. Бачо пишет: «На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что «фирмы-однодневки» остаются ключевым инструментом в системе экономической преступности, и особенно в совершении незаконной банковской деятельности путем незаконного обналичивания и транзитирования

денежных средств» [6, с. 80], однако транзитные расчеты сами по себе не подтверждают наличие признаков фиктивности, поскольку применяются в агентских, комиссионных, посреднических и внутригрупповых отношениях. Транзитный характер операций приобретает доказательственное значение в сочетании с отсутствием расходов, необходимых для исполнения обязательств (на оплату труда, аренду, перевозку, хранение, материалы или подрядчиков), перечислением основной части поступлений заранее определенным лицам и отсутствием права изменять условия расчетов. Верховный Суд РФ связывает применение статьи 54.1 НК РФ с установлением реальности операции и фактической роли каждого участника, а недостатки документов, отсутствие собственного имущества или небольшая численность работников не освобождают налоговый орган от исследования обстоятельств исполнения. Техническая компания может не являться фактическим исполнителем по конкретной сделке, но вести реальную деятельность по другим договорам, использовать арендованное имущество, привлекать исполнителей и распоряжаться доходом, поэтому соответствующий вывод ограничивается конкретными операциями и периодом. Фирма-однодневка преимущественно используется для документального оформления сделок и расчетов, совершаемых другими лицами или в их интересах, а наличие признаков фиктивности требует подтверждения отсутствия самостоятельности при принятии решений, фактического исполнения и собственного экономического интереса.

Отсутствие хозяйственной самостоятельности может подтверждаться обстоятельствами фактического управления, а номинальность руководителя устанавливается с учетом его действий, осведомленности, доступа к счетам, электронной подписи и корпоративным документам. М. А. Киселева и Т. В. Сдержикова подчеркивают: «Перечень выясняемых вопросов будет зависеть от степени осведомленности этого лица об организаторе, а также подтверждения им факта номинального руководства либо опровержения путем указания на реальную деятельность организации и осуществление фактического руководства ею» [7, с. 108], поэтому показания руководителя необходимо сопоставлять с банковскими документами, сведениями ЕГРЮЛ, договорами и электронной перепиской. Обстоятельства открытия счета, использования электронной подписи, выбора контрагентов, согласования договоров и назначения платежей позволяют установить лицо, фактически определявшее деятельность организации. И. А. Любимова отмечает: «Тем не менее правоприменительная практика пришла к выводу о том, что руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление, не утрачивает статус контролирующего лица, ко-

торый принадлежит ему в силу должности» [8, с. 42], и этот вывод соответствует пункту 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53. Принятие полномочий руководителя, передача электронной подписи и кодов доступа к счетам, а также подписание недостоверных документов имеют самостоятельное правовое значение, но фактическое управление другим лицом не исключает реальной деятельности организации.

Проверка фактического управления не должна ограничиваться действиями формального руководителя, так как решения о деятельности организации могут приниматься ее участниками, контролирующими должника лицами или конечными выгодоприобретателями, а кредиторы и приобретатели имущества могут признаваться номинальными участниками отношений только при наличии доказательств их подчиненности контролирующему лицу. М. В. Столярчук указывает: «Номинальность в банкротстве является одним из проявлений злоупотребления правом; она характеризуется скоординированными недобросовестными действиями номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, направленными на обеспечение контроля за процедурой банкротства конечного выгодоприобретателя (выступающего в роли должника) или принадлежащего ему юридического лица и минимизацию для него негативных последствий несостоятельности в ущерб интересам кредиторов» [9, с. 68]. Следовательно, для установления номинальности необходимо доказать согласованность действий, отсутствие самостоятельного волеизъявления и совершение юридически значимых действий по указанию и в интересах контролирующего лица. З. В. Балакина отмечает: «Закрепленный в Налоговом кодексе РФ механизм применения данной концепции основан на так называемом принципе «сквозного налогообложения» доходов, согласно которому российские резиденты могут быть признаны «beneficial owner» дохода и обложены налогом по налоговым ставкам Налогового кодекса РФ, если получают соответствующий доход через цепочку транзитных иностранных компаний» [10, с. 7]. Концепция фактического права на доход направлена на установление лица, которое фактически распоряжается доходом, определяет его дальнейшее использование и принимает связанные с ним экономические риски. Само наличие бенефициарного владельца не свидетельствует о фиктивности юридического лица, однако несамостоятельность промежуточной организации может подтверждаться отсутствием права распоряжаться полученным доходом, обязанностью перечислять его заранее определенному лицу и отсутствием самостоятельного предпринимательского риска.

Установление фактического контроля требует определить основания для отступления от принципа самостоятельной имущественной от-

ветственности юридического лица, поскольку его участники, руководители и иные контролирующие лица отвечают только в предусмотренных законом случаях. Ю. Э. Монастырский подчеркивает: «Такая правовая тенденция вроде бы должна постепенно или сразу привести к переосмыслению института юридического лица как самостоятельно отвечающего всеми своими активами, как обособленной единицы в том отношении, что оно не перекладывает имущественное бремя на учреждавших его и прочих лиц, в том числе своих управляющих» [11, с. 83]. Отступление от этого принципа допускается при установлении недобросовестных или неразумных действий контролирующих лиц и их причинной связи с наступившими последствиями. Т. П. Подшивалов пишет: «Доктрина снятия корпоративной вуали способствует защите законных интересов кредиторов от недобросовестных учредителей юридических лиц» [12, с. 33], причем ее применение предполагает доказывание злоупотребления правом, причинения вреда и причинной связи. Д. Д. Быканов уточняет: «Основным назначением «проникающей ответственности» является возмещение убытков, а назначением «отождествления» – запрет обхода законно установленных ограничений, вытекающих из закона или из обязательства» [13, с. 11], следовательно, вид и объем ответственности определяются характером нарушения и его последствиями. Верховный Суд РФ допускает привлечение контролирующих лиц недействующего юридического лица к ответственности при доказанности их недобросовестных или неразумных действий и причинной связи с невозможностью исполнения обязательств, а само исключение организации из ЕГРЮЛ такой ответственности не влечет. Аффилированность, общий адрес, единый бухгалтерский учет и внутригрупповое финансирование могут сопровождать законную деятельность группы компаний, но вывод имущества, перевод деятельности на другое юридическое лицо и оставление задолженности за лишенной имущества организацией могут свидетельствовать о злоупотреблении правом.

Сопоставление несоответствий в сведениях ЕГРЮЛ, обстоятельств хозяйственной деятельности и цели использования организации позволяет сформулировать три группы признаков, каждая из которых имеет самостоятельное доказательственное значение. К регистрационным признакам относятся недостоверность сведений об адресе, непричастность руководителя или участника, представление документов без согласия указанного в них лица и невозможность установить связь с исполнительным органом, однако перечисленные обстоятельства служат только основанием для дальнейшей проверки и сами по себе не подтверждают наличие признаков фиктивности. Функционально-экономические признаки выражаются в отсутствии самостоятель-

ности при принятии основных хозяйственных решений, невозможности организовать исполнение обязательств собственными или привлеченными ресурсами, несоответствии понесенных расходов заявленному виду деятельности, транзитном перечислении денежных средств и обязательной передаче полученного дохода заранее определенному лицу при отсутствии права самостоятельно им распоряжаться. К целевым признакам относятся использование юридического лица для оформления документов по фактически не совершавшимся операциям, сокрытия контролирующего лица, неправомерного уменьшения налоговой обязанности, вывода имущества, затруднения взыскания или обхода установленного законом запрета. В. В. Бальжинимаева отмечает: «В отношении фирм-однодневок речь идет о фактическом признании со стороны законодателя создания большого количества юридических лиц с целью осуществления противоправных финансовых и имущественных операций» [14, с. 159]. Установление противоправной цели позволяет отличить использование юридического лица в фиктивных целях от обычных недостатков в организации его хозяйственной деятельности, поэтому итоговый вывод должен основываться на сочетании хотя бы одного функционально-экономического и одного целевого признака. Выявленные несоответствия в сведениях ЕГРЮЛ могут учитываться в общей совокупности доказательств, но не освобождают правоприменителя от исследования фактической деятельности организации. Юридическим лицом с признаками фиктивности предлагается признавать организацию, в деятельности которой за определенный период установлено отсутствие самостоятельности при принятии основных хозяйственных решений или фактическом исполнении обязательств, а указанное положение используется для оформления фактически не совершавшихся операций, сокрытия контролирующего лица, обхода установленной законом обязанности или причинения имущественного вреда.

Для применения сформулированной системы признаков необходимо определить порядок их установления и разграничить полномочия государственных органов. Федеральный закон №

129-ФЗ целесообразно дополнить положениями об основаниях направления материалов регистрационной проверки в уполномоченный орган, требованиях к мотивированному решению и праве юридического лица представить объяснения и возражения. Регистрирующий орган должен проверять достоверность сведений ЕГРЮЛ, а исследование хозяйственных операций, движения денежных средств, фактического управления и налоговых последствий должно осуществляться компетентными органами. Юридическому лицу следует предоставить не менее тридцати дней для представления сведений, документов и возражений, а уведомление должно содержать выявленное несоответствие, источник информации и возможные правовые последствия. Результаты проверки не должны отражаться в ЕГРЮЛ в виде самостоятельной записи, ограничивать правоспособность организации или подтверждать недобросовестность ее контрагентов и до рассмотрения возражений не могут служить единственным основанием неблагоприятных правовых последствий.

Заключение. Отсутствие единого законодательного подхода к определению юридического лица с признаками фиктивности приводит к неодинаковой правовой оценке одних и тех же обстоятельств в различных отраслях права. В регистрационных, налоговых, гражданско-правовых и банкротных отношениях сходные обстоятельства исследуются с учетом разных предметов доказывания и влекут различные правовые последствия, вследствие чего вывод, сделанный в рамках одной процедуры, может необоснованно предопределять решение по другому делу. Поэтому дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на унификацию используемых понятий, разграничение предметов доказывания и определение пределов наступающих правовых последствий, а не на расширение перечня формальных обстоятельств, которые сами по себе не подтверждают наличие нарушения. Такой подход обеспечит предсказуемость правоприменения и не допустит автоматического распространения предварительного вывода контролирующего органа на иные периоды деятельности, сделки и правоотношения организации.

Список литературы:

- [1] Капелистая О. А. Юридическое лицо: его сущность // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 1. С. 215–218.
- [2] Глазунова И. В. Проблемные вопросы публично-правовой ответственности юридического лица // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 4. С. 512–517.
- [3] Габов А. В. Эволюция регистрационной системы создания юридических лиц в России: основные этапы и тенденции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161, кн. 4. С. 77–126.
- [4] Сасов К. А. Новый виток борьбы государства с «однодневками»: кто победит? // Судебная практика в Западной Сибири. 2015. № 1 (21). С. 100–106.
- [5] Понамарева А. Н. Совершенствование практики выявления фирм-однодневок с учетом международного опыта // Вестник Евразийской науки. 2022. Т. 14, № 5. С. 1–15.
- [6] Бачо И. И. Фирмы-однодневки как инструмент незаконной банковской деятельности // Поли-

цейская и следственная деятельность. 2025. № 2. С. 71–86.

[7] Киселева М. А., Сдержикова Т. В. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным образованием юридических лиц и незаконным использованием документов в указанных целях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 103–112.

[8] Любимова И. А. О порядке определения размера субсидиарной ответственности по статье 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 40–49.

[9] Столярчук М. В. Номинальные участники процедуры банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 222 с.

[10] Балакина З. В. Налогово-правовые аспекты применения концепции бенефициарного собственника («beneficial owner») дохода в Российской Федерации: проблемы и решения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 30 с.

[11] Монастырский Ю. Э. Правовая логика возложения убытков на контролирующих лиц // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 82–95.

[12] Подшивалов Т. П. Доктрина снятия корпоративной вуали в судебной практике по спорам с офшорными компаниями // Международное право и международные организации. 2015. № 1. С. 32–36.

[13] Быканов Д. Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 28 с.

[14] Бальжинимаева В. В. Юридическое лицо как средство, способ и орудие совершения преступления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 140–163.

References:

[1] Kapelistaya O. A. The Legal Entity: Its Essence // Bulletin of Tyumen State University. 2004. No. 1. P. 215–218.

[2] Glazunova I. V. Problematic Issues of Public-Law Liability of a Legal Entity // Siberian Legal Review. 2019. Vol. 16, No. 4. P. 512–517.

[3] Gabov A. V. Evolution of the Registration System for the Creation of Legal Entities in Russia: Key Stages and Trends // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2019. Vol. 161, Book 4. P. 77–126.

[4] Sasov K. A. A New Phase in the State's Fight Against «Shell Companies»: Who Will Win? // Judicial Practice in Western Siberia. 2015. No. 1 (21). P. 100–106.

[5] Ponamareva A. N. Improving the Practice of Detecting Shell Companies by Incorporating International Experience // Bulletin of Eurasian Science. 2022. Vol. 14, No. 5. P. 1–15.

[6] Bacho I. I. Shell Companies as an Instrument of Illegal Banking Activity // Police and Investigative Activity. 2025. No. 2. P. 71–86.

[7] Kiseleva M. A., Sderzhikova T. V. Specifics of Investigating Crimes Related to the Illegal Formation of Legal Entities and the Illegal Use of Documents for Such Purposes // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. 15, No. 3 (57). Pp. 103–112.

[8] Lyubimova I. A. On the procedure for determining the amount of subsidiary liability under Article 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy) // Femida.Science. 2025. No. 1 (16). Pp. 40–49.

[9] Stolyarchuk M. V. Nominal participants in bankruptcy proceedings: Diss. ... Cand. Sc. (Law). Moscow, 2025. 222 p.

[10] Balakina Z. V. Tax law aspects of applying the concept of the beneficial owner of income in the Russian Federation: problems and solutions: Abstract of Diss. ... Cand. Sc. (Law). Moscow, 2018. 30 p.

[11] Monastyrsky Yu. E. Legal logic of imposing liability for losses on controlling persons // Journal of Russian Law. 2019. No. 2. Pp. 82–95.

[12] Podshivalov T. P. The doctrine of piercing the corporate veil in judicial practice regarding disputes with offshore companies // International Law and International Organizations. 2015. No. 1. Pp. 32–36.

[13] Bykanov D. D. «Piercing liability» in foreign and Russian corporate law: Abstract of Diss. ... Cand. Sc. (Law). Moscow, 2018. 28 p.

[14] Balzhinimaeva V. V. Legal entity as a means, method, and instrument for committing a crime // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Т. 15, No. 1. P. 140–163.

